

Культура

Советский Сахалин в русской литературе конца 1920–1930-х годов

© 2015

Е. Иконникова

В статье рассказывается о произведениях русской литературы, посвященной Сахалину, конца 1920–1930-х годов. Книги Льва Алпатова, Бориса Еллинского, Петра Слётова, Николая Долотина, Виктора Канторовича, Сергея Михалкова и других авторов информировали читателей о дальневосточных рубежах страны — ее границе с Японией, об этнографии коренных народов Сахалина, об успехах советизации на острове и многом другом.

Ключевые слова: Советская Россия, Япония, Сахалин, русская литература конца 1920–1930-х годов, публицистика.

Свержение имперской власти в 1917 году и иная идеологическая ориентация Советского государства требовали создания нового образа Сахалина — места, прежде ассоциировавшегося по преимуществу с подробно описанной А. П. Чеховым и В. М. Дорошевичем каторгой. В конце 1920 — начале 1930-х гг. на Сахалине активно шли подготовительные мероприятия, связанные с первой юбилейной для молодого государства датой — десятилетием с момента советизации острова. Значительная роль в этой подготовке была отведена культурному образованию, одну из весомых частей которого составляло просвещение средствами публицистической и художественной литературы о Дальнем Востоке.

Среди большого многообразия издаваемых в те годы книг можно назвать «Сахалин после Чехова и Дорошевича» (1929) Макса Поляновского (1901–1977), побывавшего на Северном Сахалине в 1928 году. Этот писатель, позже создавший совместно со Львом Кассилем (1905–1970) «Улицу младшего сына» (1949), прославился очерками для детей и юношества. Именно поэтому легко и непринужденно читались книги Поляновского «На далекой окраине (ДВК)» (1930) или «С букварем у гиляков. Сахалинские дневники ликвидатора неграмотности» (1931).

В 1920-х гг. в печать вышли и другие издания. Так, например, в Ленинграде была опубликована книга Людмилы Волкенштейн «Из тюремных воспоминаний» (1924), а во Владивостоке увидела свет брошюра журналиста Матвея Корна «О советских даях. Са-

халин, Камчатка, Чукотка, Колыма» (1926). Во многих книгах 1920-х гг. изображалось каторжное прошлое Сахалина, в отдельных случаях описывались событиях Русско-японской войны. При этом авторы обязательно акцентировали внимание на первых социалистических преобразованиях и на будущем облике Сахалина — острова, который непременно должен был осваиваться и развиваться.

В 1928 году на Сахалине в составе этнографической экспедиции побывал Лев Алпатов (настоящее имя — Лев Михайлович Пришвин; 1906–1957), итогом поездки которого стало издание «Сахалина (путевых записок этнографа)» (1930). Общий тираж книги составил четыре тысячи экземпляров. Лев Алпатов, старший сын знаменитого русского писателя Михаила Пришвина (1873–1954), был популярным в свое время беллетристом, поэтом и книга «Сахалин» с восторгом воспринималась не только специалистами-этнографами, но и рядовыми читателями. Написанное в форме путевого дневника повествование Алпатова началось в июле 1928 года и заканчивалось сентябрьскими днями, когда ученый возвратился в Москву из экспедиции. С первых же страниц своей книги Алпатов восклицал: «Остров, проклятый тысячами людей, принявших в нем мучения и смерть. Кандалами прозвенел Сахалин на весь мир. Кто не читал Чехова и Дорошевича!»¹.

Книга Бориса Еллинского (1872–1942) «Сахалин. Чёрная жемчужина Дальнего Востока» (1928), являясь документальной и частично автобиографической, как будто бы смыкает в себе два времени: имперскую Россию, когда революционер отбывал наказание на Сахалине (с 1894 года) и советскую Россию. Вместе с этим «Сахалин...» Еллинского подводит итог всей предшествующей литературе о Дальнем Востоке накануне 1930-х гг. В конце 1920-х гг. уже намечается попытка создания принципиально иной, чем прежде, литературы — агитационной, пропагандисткой по своему характеру, оптимистической, убеждающей и склоняющей читателей средствами словесности для переезда из обжитых центральных районов России на Дальний Восток, в том числе на Сахалин и Курильские острова.

О создании советской литературы на Сахалине

3 октября 1933 года состоялась встреча первого секретаря Дальневосточного ВКП(б) И. Лаврентьева (настоящее имя — Лаврентий Иосифович Картвелишвили, 1890–1938) с дальневосточными писателями. В речи Лаврентьева, частично опубликованной на страницах газеты «Советский Сахалин», говорилось о первостепенных задачах советской литературы как проводника идеологических ценностей нового государства: «Мы собрались <...>, чтобы обсудить вопрос о том, как лучше работать нашему писателю, как самоорганизоваться, чтобы голос дальневосточного писателя раздавался по всему Союзу. <...> Край наш <...> очень интересный край. Особенно для писателя. <...> Здесь большое количество людей, здесь сталкивается масса народа различного по национальным признакам. Здесь происходит большая переделка края людей. Здесь происходит большое строительство. <...> Отобразить в художественных произведениях создание этого нового края, его социалистическое освоение — большая, сложная, ответственная и почетная работа»².

Особое внимание советского правительства к Дальнему Востоку объяснялось еще и тем, что молодое государство граничило с Японией и Китаем. Укрепление политических рубежей СССР средствами литературы, по мнению И. Лаврентьева, должно было осуществляться через оживление «исторической мысли в крае»³, отражаемой в идеологии зарождающегося социалистического реализма, его «объективности» и «партийности».

Дальневосточные писатели стояли перед необходимостью формирования собственной региональной литературы, которая отвечала бы стандартным требованиям литературного процесса нового времени и естественным образом объясняла политическую

ситуацию в пограничных областях. Таким образом, в самом начале 1930-х гг. стали публиковаться первые советские книги о Сахалине, которые и составили основной пласт сахалинской литературы, созданной извне, приезжими авторами. Произведения о Сахалине должны были отвечать и эстетическим, и практическим требованиям. Соблюдение этой направленности способствовало бы увеличению количества «переселенцев», желающих освоить островные земли Советской России.

После «Перевала»

Одним из таких авторов, откликнувшимся на государственные призывы, стал Пётр Слётов (настоящее имя — Пётр Владимирович Кудрявцев, 1897–1981). До издания книги «На Сахалине» (1933) этому писателю уже принадлежало несколько произведений — повести «Прорыв» (1928) и «Мастерство» (1930), а также роман «Заштатная республика» (1931). Появление книги «На Сахалине» в творческой биографии Слётова было неслучайным. До 1931 года Слётов был участником Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» (1923–1932). «Переваловцы» (в их число входили Михаил Пришвин, Андрей Платонов, Эдуард Багрицкий и др.) отстаивали принципы искусства, не связанного с пролетарским движением. Концепция сторонников и последователей «Перевала» основывалась не на политическом единомыслии (что требовалось от искусства нового времени), а на принципах интуитивного, философского осмысления жизни. Выйдя из состава членов «Перевала», Слётов пытался реабилитировать себя и свое творчество, не отвечающее целиком идеологическим требованиям пролетарской литературы и литературы социалистического движения. Авантюрно-анекдотический вымысел об интеллигентах и большевиках в «Заштатной республике» едва ли мог претендовать на безупречность изображения современного писателю мира. Но жанр очерков, избранный как ведущий, в книге «На Сахалине» позволил писателю изобразить новый уклад жизни советских людей, новую, порвавшую с буржуазным прошлым среду советских «переселенцев».

Динамичное развитие уже не каторги, но значительно преобразованного Сахалина вполне отвечало советской идеологии, а приближенное к документальному описание острова могло освободить Слётова от «ошибок» прошлого (каковым считалась его прежняя принадлежность к «Перевалу»). Но ранее допущенная ошибочность писателя во взглядах на искусство стоила ему общественной репутации и скоротечной литературной карьеры. Книга «На Сахалине», общий тираж которой составил пять тысяч экземпляров, столичной критикой не была оценена. Факт попытки осветить жизнь современного писателя острова (когда-то привлекшего внимание Чехова, Дорошевича и других писателей) не имел должного резонанса ни в европейской части России, ни на ее дальневосточных рубежах. Творческие старания писателя рассказать о сахалинских «туземцах», в своем развитии продвинувшимся «от ююлы к картофелю» (одноименное название одной из частей книги), и о «японских концессиях на Сахалине» (также название одной из частей работы Слётова) не имели желаемого успеха.

Негативный отзыв о литературно-публицистических очерках Слётова появился и на страницах самой читаемой на острове газеты — «Советский Сахалин». В небольшой заметке «Сахалин через призму гастролера» И. Лившиц обвинил писателя в том, что тот сделал акцент только на «экзотику», а не на «действительных героев труда». «Очерки Слётова о Сахалине, — писал журналист, — никаких сторон сахалинской жизни и борьбы большевиков не раскрыли, ничего не показали». <...> «Очерки Слётова — образец, как не следует писать о Сахалине»⁴.

Как видно из газетного отзыва, лучшим произведением о Сахалине в 1930-е гг. могло считаться произведение, в котором ведущая роль отводилась «большевикам» и «героям труда». При этом даже весьма скромные, с точки зрения художественного мас-

терства, попытки автора книги дать портретные зарисовки островных женщин, инициировали еще большее негодование Лившица. Пролетарский писатель, по мнению Лившица, должен был видеть не красоту женского лица и тела, но значимость женского труда в социалистическом производстве.

Невзирая на отрицательную оценку своей работы, в 1934 году на страницах «Нового мира» (№ 1—№ 2) Слётов представил еще одно свое произведение, посвященное Сахалину, — первую часть романа «Равноденствие». Писатель теперь уже в исключительно художественной форме изобразил и представителей технической интеллигенции, и ответственных партийцев-хозяйственников, которые уезжали в 1920-е гг. со своих обжитых мест на строительство сахалинских нефтяных промыслов в районе Охи.

Однако и эта книга не была доброжелательно встречена. Литературная деятельность писателя подошла к финалу. Отсутствие художественного вкуса и следование шаблонам идеологической литературы не позволяли создать произведения, одновременно интересные и с эстетической и с познавательной сторон. В послевоенные годы (в 1948 году) Слётов был арестован, а спустя восемь лет (в 1956 г.) реабилитирован. Позже Слётов написал и вторую часть венчающего все его творчество романа «Равноденствие» (1935–1975)⁵, который, как и книга очерков «На Сахалине», составил формальную, фактологическую принадлежность к произведениям «сахалинской» литературы.

Не только идеология

В 1930-е гг. были написаны и другие книги о Сахалине, их тираж был довольно высоким и иногда доходил до нескольких десятков тысяч экземпляров. Среди большого многообразия появившихся в первые десятилетия Советской власти изданий довольно сложно выделить оригинальные произведения, не избыточные политическими прокламациями и социалистическими призывами.

Еще одной книгой этого времени стал изданный десятью тысячами экземпляров «Остров сокровищ. На советском Сахалине» (1930) Николая Долотина. Вместе с этим в «десятидневном журнале путешествий и приключений» «Вокруг света» (1930, № 7, март) был опубликован четырехстраничный документальный рассказ Долотина «В сахалинской тайге».

В издательстве «Советская Азия» в свет вышла сорока семистраничная книга «Советский Сахалин» (1933) партийного деятеля Евгения Лебедева (1897–1938), в 1929–1930 гг. занимавшего пост ответственного секретаря Сахалинского окружного комитета ВКП(б). Работа Лебедева, безусловно, носила агитационный характер, но научно-популярное изложение материалов «Советского Сахалина» привлекало внимание многих потенциальных читателей. В книге «Советский Сахалин» Лебедев писал о возможности превращения Сахалина в полуостров, поэтому и завершение книги звучало максимально оптимистически: «И если самая постановка подобного грандиозного вопроса в анархических условиях капиталистического режима была с самого начала обречена на неуспех, то для строя и эпохи великого социалистического строительства, воодушевляемого смелым и научным большевистским руководством, не остается препятствий для того, чтобы в ближайшее же время поставить эту большую сахалинскую проблему на практическую почву углубленного научного исследования»⁶. Дальнейшая судьба Лебедева сложилась трагически: в июне 1937 г. он был арестован и расстрелян. В 1957 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Подробный обзор этнической картины Сахалина предлагал фольклорист и этнограф Виктор Важаев (настоящее имя — Виктор Моисеевич Рубинштейн, 1908–1978) «По стойбищам народа нивах» (1934). Эта, почти двухсотстраничная иллюстрированная книга вышла в свет тиражом в десять тысяч экземпляров. Работа «По стойбищам нивах» стала

единственным научно-популярным этнографическим исследованием, в котором уже намечилось стремление автора к художественному постижению мира. В историю русской литературы Важадаев вошел прежде всего как составитель детских книг и сказочник.

Виктору Канторовичу (1901–1977) принадлежит несколько книг, тематически связанных с Сахалином: «Сахалинские очерки» (1932; многократно переиздавались), повесть «Детство нивха Ковгэна» (1937) и др. В 1937 году писатель участвовал в переписи нивхских стойбищ на Северном Сахалине, в это же время был незаконно репрессирован. Вернувшись в 1956 году к литературной деятельности, Канторович несколько раз приезжал на Сахалин и Курильские острова (в 1958, 1961, 1963 и др. годы), оставил документально-художественные материалы по истории Сахалинской области. Новым творческим результатом изучения Сахалина стали «Сахалинские тетради» (1965), которые Канторович писал более 30 лет. Фрагменты из сахалинских наблюдений разных лет печатались в российской и дальневосточной периодике: в журнале «Дружба народов», газете «Советский Сахалин» и др.

Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке, журналист и прозаик Николай Костырёв (1893–1941) создал «Сахалинские записи» (1936), вышедшие в свет тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. «Сахалинские записи» были неоднородны по своему композиционному составу. Книга состояла из десяти частей и открывалась историей с «рыболовом-медведем», своеобразной сахалинской сказкой, взятой, как писал автор, «из подлинного быта Дальневосточного Севера»⁷. Народное предание лежало и в основе второй истории книги, где говорилось о вымерших «нивхских» селениях — стойбищах «Туки» и «Туми». Причина вымирания селений состояла в том, что «один из нивхов по имени Зотов женился на эвенкийке» — с этого момента в жизни стойбищ началась череда несчастий: «рыбу... не поймали», «собаки от голода передохли», «вынесло рыбаков в море на льдине», пришли «неизвестные болезни». Упоминались в книге и реальные лица: «Новый Дерсу» — Владимир Арсеньев (1872–1930), «молодой нани Мулинка», «улетавший с советской путевкой в руках в далекий Ленинград учиться на Северном факультете Института народов Востока», «любитель-натуралист товарищ Сторчак» и многие др. «Сахалинские записи» стали последним изданным произведением в творческой биографии Костырёва, автора книг: «Идея-фикс» (1919), «Белый флаг» (1920), «Аэропоэма» (1924), приключенческого романа-трилогии «Желтый дьявол» (1924–1926), воспоминаний «Мои китайские дневники» (1928). В 1939 году писатель был арестован и через два года погиб в сталинских застенках.

Максим Горький и Сахалин

Одна из сторон большой общественной работы, которую неизменно вел Максим Горький (1868–1936), состояла в написании ответных писем, в обилии приходивших на имя писателя. Часто обращались к Горькому и дети.

Летом 1933 г. в газете «Пионерская правда» (а позже в Хабаровской газете «Знамя пионера») было напечатано обращение Горького к детям. Писателя интересовало, чем живут современные ему дети, что читают, о чем мечтают. Вслед за этим газетным выступлением Горькому стали поступать письма со всех регионов СССР. Галина Стрельцова отмечает, что писателем было получено «более 2000 писем»⁸. Одно из таких писем было от школьников Сахалина.

17 марта 1933 г. писатель получил обращение, отправленное нивхскими детьми 10 января 1933 г. из сахалинского поселка Ноглики⁹. «В 1931 году в Ногликах, на Сахалине, — писал Владимир Пузырёв, — открылась школа, где обучались гиляки, тунгусы, ульчи, якуты, орофоны. Они-то <...> и отправили Горькому большое послание, в котором рассказала о своей жизни, обо всем том, что принесла им Великая Октябрьская революция»¹⁰. В ответ Горький написал письмо, известное под названием «Детям Сахалина»

(1933). Обратное послание было дано Горьким 31 марта 1933 г., из Сорренто (Италия). Однако впервые письмо было опубликовано только после смерти автора в 1937 г. на страницах хабаровской газеты «Знамя пионеров» (№ 55, 17 июня). Будущее Дальнего Востока Горький связывал с культурной революцией, поэтому писатель был так внимателен к любым упоминаниям о восточных рубежах Советской России.

В своем письме Горький отмечал: «Вы очень хорошо сделали, написав мне. Ваше письмо — подарок, которым я горжусь, как орденом.

Я получал письма от детей европейцев, конечно, их письма тоже радовали меня, но — не так глубоко, как ваше письмо, дети гиляков, тунгусов, ороchon. Ведь неудивительно, что дети европейцев грамотны, — удивительно и печально, что среди них есть безграмотные. А вы — дети племен, у которых не было грамоты, ваших отцов избивали, грабили русские и японские купцы, двуногие звери, ваших отцов обманывали и держали в темноте шаманы, такие же обманщики, как европейские попы. И вот вы — учитесь, а через несколько лет вы сами будете учителями и вождями ваших племен, откроете пред ними широкую, светлую дорогу ко всеобщему братству рабочего народа всей земли. Вот в этом — великая радость для меня и для вас...»¹¹.

Письмо Горького свидетельствует о существовавшей в то время в стране идеологии (и в художественной литературе, и в эпистолярных обращениях), ориентированной на продолжение классовой борьбы, освобождение угнетенных и прославление труда во имя созидания нового общества. Таким настроением охвачены не только эмоциональные призывы письма к «Детям Сахалина», но и др. послания Горького к детской аудитории.

Сахалинский герой Сергея Михалкова

Одно из доказательств того, что Дальний Восток и Сахалин, в том числе, находился в центре общественного внимания, обнаруживается в адресованной детям поэме Сергея Михалкова (1913–2009) «Миша Корольков» (1938, многократно переиздавалась). Стихотворная история основывается на рассказе о путешествии пионера Миши Королькова на «советском корабле» с Сахалина во Владивосток. Во время шторма советское судно неожиданно оказывается в чужих водах, мальчик и все члены экипажа допрашиваются «полковником Мурашивой». Главный герой свято бережет свой красный галстук и, шутя, отвечает на вопросы японского офицера:

*Начинается допрос.
Миша слушает вопрос:
– Ты живешь на Сахалине,
На советской половине.
Сколько вас, учеников, —
Следопытов и стрелков?
– Шестью восемь — сорок восемь,
Пятью девять — сорок пять...
Умножаем, переносим —
Невозможно сосчитать!*

Топонимика стихотворных строк поэмы «Миша Корольков» укладывается в название нескольких географических мест: Тихий океан («там, где носит пароход»), «чужая земля» («японская вода»), «не наши люди, горы, города»), Сахалин («на советской половине»), где мальчика ждет мама, Владивосток («славный порт Владивосток», где на границе служит отец Миши) и Москва (город, в котором высокие чины размышляют о спасении мальчика и всего экипажа корабля):

*Крысы возятся в соломе,
Дверь какая-то скрипит.
Далеко в знакомом доме*

*Мама бедная не спит.
На далеком Сахалине
Мама думает о сыне...*

Заканчивается поэма торжеством справедливости, мальчик возвращается на Родину и встречается со своими родителями. Содержание этой остросюжетной и легко читающейся истории — отклик на фактические события, дипломатические конфликты с Японией накануне Второй мировой войны. Одновременно с этим стихотворение Михалкова давало детям представление о предвоенном Сахалине, о восточных границах Советского государства.

Адресованные читателям разного возрастного уровня и социального опыта, «сахалинские» произведения 1930-х гг. в своем большинстве демонстрировали возникшее в советской литературе подчинение творческой воли писателей политико-идеологическим задачам советского времени. Научно-популярная, автобиографическая, художественная и публицистическая литература о Сахалине была призвана сформировать окрашенное и публицистическим оптимизмом представление советских людей о динамичном развитии Дальнего Востока. Эта концепция приводила советскую «сахалинскую» литературу к тупику в возможности полноценного развития литературного процесса. Вместе с этим в 1930-х гг. создавались и иные произведения о Сахалине, выдержав испытание временем, эти книги и сейчас продолжают оставаться важными источниками исторической информации, документами, свидетельствующими об общественной и частной жизни советских людей на острове.

1. *Алтатов Л.* Сахалин (путевые записки этнографа). М., 1930. С. 6.
2. «Дальневосточные писатели и поэты должны показать всему Советскому Союзу как создается новый край» // Сов. Сахалин. 11 окт. 1933. № 231 (1510). С. 1.
3. Там же.
4. *Лившиц И.* Сахалин через призму гастролера // Сов. Сахалин. 1933. 14 нояб. № 254 (1533). С. 2.
5. Эта книга была опубликована отдельным изданием в 1977 году.
6. *Лебедев Е.В.* Советский Сахалин. М., 1933. С. 45–46.
7. *Костырёв Н.* Сахалинские записи. М., 1936. С. 4.
8. *Стрельцова Г. А. М.* Горький и писатели-дальневосточники // Дальний Восток. 1977. № 11. С. 149.
9. В «Примечаниях» к письму «Детям Сахалина» допущена ошибка: написано, что «письмо адресовано школьникам поселка Ноглинка» (Примечания // *Горький М.* Собр. соч. в 30 т. Т. 27. Ст., докл., речи, приветствия, 1933–1936. М., 1953. С. 540). Одновременно с этим в «Примечаниях» отсутствуют пометы, указывающие, где находится этот населенный пункт, правильное название которого — Ноглики.
10. *Пузырёв В. Г.* Максим Горький и Дальний Восток // Дальний Восток. № 4. 1960. С. 174.
11. *Горький М.* Детям Сахалина // *Горький М.* Собр. соч. в 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 18–19.